

За три моря

НИКОЛЬ
ФОССЕЛЕР

*Мелк
арабийской
ночи*

Москва

2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ф81

Nicole C. Vosseler

UNTER DEM SAFRANMOND

Copyright © 2008 by Bastei Lübbe GmbH & Co. KG,
Köln

Перевод с немецкого *Д. Лазаревой*
Художественное оформление *С. Прохоровой*

Ранее роман выходил под названием
«Под шафрановой луной»

Фосселер, Николь.

Ф81 Шелк аравийской ночи / Николь Фосселер ; [пер. с нем. Д. С. Лазаревой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 480 с. — (За три моря. Романы Н. Фосселер и Э. Харан).

ISBN 978-5-699-87900-7

Овеянная легендами страна царицы Савской, Аравия, не раз снилась англичанке Майе Гринвуд. Однако реальная действительность превзошла все ее ожидания. Последовав за мужем-военным в далекий гарнизон, отважная Майя попала в плен к воину древнего рода аль-Шахинов. Теперь их путь лежит через пустыню во дворец султана Ижара. Перед ними — бесконечные золотые пески. Над ними сияют звезды и, искрясь, взошла луна. Здесь, под коварной шафрановой луной, Майя узнает свою судьбу...

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Лазарева Д., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87900-7

Всем диким сердцам
этого мира,
что никогда не разобьются

Будь у меня небесные шелка,
Расшитые и серебром, и золотом,
Где светлые и темные цвета
Ночей и дней, рассвета и заката,
Их постелил бы я к твоим ногам...
Но беден я, есть только лишь мечты,
Их постелю я на твоей дороге.
Ступай нежней...

Не растопчи...

Уильям Батлер Йейтс

Пролог

Оксфорд, апрель 1842

Колокола церкви Святого Эгидия в конце улицы, всего в нескольких домах отсюда, отмеряли часы весенней ночи. «Три, четыре, пять, — тихо вторила звону Майя. — Шесть, семь — или это уже восемь?» Самой ей было семь. Раздался последний удар. Одиннадцать пробило или полночь? Она со вздохом завертелась в кровати и расправила сбившееся от беспокойного сна одеяло. В комнате было прохладно. Днем уже пригревало солнце, а ночи оставались по-весеннему свежими. Но в семье потомственных врачей Гринвудов окна оставляли приоткрытыми хотя бы на щелочку круглый год, для закалки. Всегда, сколько Майя себя помнила.

Она прислушалась. Судя по глубокому ровному дыханию, ее младшая сестра, как обычно, крепко спала. Режим Ангелины подчинялся установленному матерью и няней порядку, и это было далеко не единственным различием между девочками. Тот, кто впервые видел госпожу Марту Гринвуд с обеими дочерьми, замирал на месте от удивления и недоумения. Ангелина и ее мать чертами лица словно две капли воды походили одна на другую — обе были хрупкими, бледными и светловолосыми, с большими темно-синими глазами, как у фарфоровых кукол. А Майя рядом с грациозной сестрой смотрелась крепенькой, даже несколько корена-

стой, ее кожа и зимой сохраняла смуглый оттенок. Она гордилась своими локонами с оттенком кофе, — в отличие от прямых волос Ангелины ее кофейные кудри вились от природы, а потому она очень редко упрятывала их в замысловатые прически, какие так любят накручивать себе и большие, и маленькие девочки. Но главное, у Майи были удивительные золотистые глаза цвета светло-коричневого ириса, сияющие на солнце, точно янтарь или мед. Короткие знакомые Гринвудов, знавшие о первом браке Джеральда, часто думали, что Майя — дочь от первого брака, как и ее старший брат Джонатан.

Больше трех лет назад семья переехала из маленького домика на Тарл-стрит сюда, на улицу Святого Эгидия. Две комнаты на первом этаже занял дедушка Майи, лишь в семьдесят лет оставивший свою врачебную практику. Однажды, когда многие вещи еще лежали в нераспакованных или недоразобранных сундуках, Майя со стаканом молока и печеньем сидела на дедушкином диване — ее отправили сюда, чтобы не путалась под ногами: переезд давал о себе знать присутствием в комнатах мастеров, прилаживавших к новым местам привычную домашнюю утварь. Ангелина, пообедав, покладисто спала наверху. Майе же нравилось проводить время с неразговорчивым дедом. Она наслаждалась его молчанием после болтовни Ангелины и бесконечных наставлений матери или няньки: «спину ровно», «мельче шаг», «говори потише»...

Она в свое удовольствие болтала ногами и рассматривала недавно обставленную комнату с высокими витражными окнами. Ее взгляд задержался на портрете в золоченой раме. Раньше он никогда не попадался ей на глаза! Должно быть, висел в одной из тех комнат, куда во время воскресных визитов к бабушке детям заходить запрещалось. Поэтому до переезда, когда грузчики боком протиснули в дверь тяжелую кровать из железного (особенно твердой породы) дерева, Майя

думала, что у дедушки ничего нет, что он коротает ночи на кожаной кушетке в кабинете, где и работает. Наверное, он очень дорожил этой картиной, раз повесил ее еще раньше, чем достал и расставил на полках свои любимые медицинские справочники. На портрете была изображена женщина в старомодном струящемся платье, совсем непохожем на пышные юбки, которые Майя видела на матери и на чужих дамах. Черные как смоль волосы лишь слегка подобраны, как показалось Майе, даже растрепаны по сравнению с аккуратно убранными, тщательно уложенными локонами матери. Она присмотрелась внимательнее, и, несмотря на старый слой лака, покрывающий краски и полотно, разглядела на женском лице такие же удивительные глаза, как у нее самой. Таких глаз не было ни у кого в их семье.

— Дедушка, — спросила она, — а кто это на картине?

Узловатые руки сильнее сжали трость — доктор Джон Гринвуд долго молчал, вглядываясь в заинтересовавший внучку портрет, а потом ответил:

— Твоя бабушка Элис, милая. Она давно умерла. Задолго до вашего с Джонатаном появления на свет. Ты на нее очень похожа.

В его голосе было столько печали, что Майя растерялась, не сумев подобрать слов, и, смутившись, снова принялась за печенье. Но она обрадовалась, что у нее бабушкины глаза, пусть даже бабушки нет в живых.

В церкви Святого Эгидия вновь зазвонили колокола, Майя со вздохом перевернулась на другой бок и выпростала ноги из-под одеяла — ей опять стало жарко. Прошлой зимой дедушка тоже отправился на небеса. Как и мама Джонатана, которую тот уже почти не помнил.

Матери не нравилось, если она слышала «умер» вместо «на небесах», и всегда недовольно ворчала на дурную привычку врачей выражаться прямо и грубо. Майя пыталась следить за собой, хотя не понимала зачем. Как не понимала многих других требований ма-

тери, и почему ей читали нотации гораздо чаще, чем Ангелине. Иногда, просыпаясь по ночам — ей часто снились какие-то беспокойные сны, — она думала об этом, о смерти и небесах. И об отношениях в семье, настолько запутанных, что порой ее голова шла кругом, и о Джонатане, который казался ей в свои пятнадцать лет таким взрослым. Они с ним редко виделись с тех пор, как он пошел учиться в школу в Винчестере. Он был ей лишь сводным братом. Но будь он ей «полностью» родным, любила бы она его еще сильнее? Вот Ангелина, «полностью» ее сестра, нравилась Майе куда меньше, чем Джонатан, и она ничего не могла с собой поделать. Стремительный поток мыслей, набегавших одна на другую, рождал новые и новые вопросы. Неудивительно, что по утрам Майя была такой вялой и никак не желала вставать, а Ангелина всегда вскакивала посвежевшей и бодрой.

Майя окончательно проснулась. Иногда, если одолевали сомнения и вопросы, помогала беседа с отцом. Он частенько засиживался за работой в своем кабинете на среднем этаже или в библиотеке на первом, когда все уже спали. Несмотря на это, к тому моменту, когда няне удавалось вытащить Майю из перин, его обычно не было дома.

В молодости он много путешествовал по Италии и Греции. По всему дому стояли и лежали разбитые тарелки и вазы, зеленоватые монеты и обветшалые резные поделки из дерева. Все это обладало немалой ценностью и потому хранилось за стеклом, подальше от любопытных глаз и проворных пальчиков Майи. Джеральд Гринвуд очень много знал об ушедших временах, он обучал студентов в Баллиол-колледже древней истории, да и сам с неизменным удовольствием продолжал научные изыскания. Но у него в любое время находилась минутка для Майи. Джеральд небрежно отодвигал в сторону бумаги и книги, сажал ее на колени

и внимательно слушал, задумчиво посасывая трубку, прежде чем дать взвешенный и понятный ответ.

Майя осторожно подняла голову. Из коридора в комнату едва пробивался бледно-золотистый свет. Немного поколебавшись, она встала босыми ногами на пол и тихонько прошмыгнула к двери, стараясь не разбудить сестру.

Она прокралась по полутемному коридору, осторожно обходя по ковру каждую скрипучую половицу деревянного пола. Мать Майи вечно сетовала на «жуткий старый сундук», как часто называла старинный особняк Блэкхолл. Но Майя любила этот дом как раз потому, что он был похож на сундук с восхитительно жуткими и мрачными темными углами. В доме было достаточно места, но госпожа Марта считала расточительством отводить каждой из девочек по собственной комнате. Свободные комнаты дожидались гостей, профессоров из Кембриджа, Лондона или из-за границы — они периодически приезжали сюда и проводили вечера в разговорах, в которых участвовал не только отец, но и кое-кто из студентов. Нередко приезды и отъезды бурной чередой сменяли друг друга, и Марта все время жаловалась на лежащиеся на ее плечи хлопоты. Но Майя замечала, как блестят у нее глаза, когда она торопливо снует туда-сюда, готовя закуски и наводя уют в комнатах, ставит в вазы свежие цветы и встречает нарядно одетых гостей.

Майя спускалась вниз, и с каждой ступенькой становилось все светлее. Свет шел из кабинета отца. Через широко распахнутую дверь можно было увидеть кусок темно-красного ковра со светлым узором из выющихся цветов и боковую часть большого письменного стола. Отец не один: помимо родного бормотания, слышался другой голос, а со знакомым сладковатым дымом трубки смешивался еще один аромат, более терпкий. У Майи заколотилось сердце. Ричард! Здесь Ричард!

Студент второго курса Тринити-колледжа Ричард Фрэнсис Бертон был в Блэкхолле желанным гостем с тех пор, как Гринвуды повстречали его у одного знакомого врача, у которого Ричард снимал комнату, когда учился на первом курсе. Миссис Гринвуд залилась краской, как школьница, когда Ричард отблагодарил ее за приглашение на обед изысканным комплиментом. Джеральда с Ричардом нередко можно было видеть в саду: они прогуливались кругами, увлеченные беседой об иностранных языках и культурах, или предавались воспоминаниям о пейзажах и населении Франции и Италии, где Ричард вырос. А порой потягивали бренди в кабинете Джеральда, засидевшись допоздна, как теперь. И если Джеральд всегда курил трубку, то Ричард никогда не изменял сигариллам. Но ни у кого в доме господин Бертон не вызывал таких эмоций, как у Майи.

Она добралась до ступеньки, оказавшись на одном уровне с дверью в кабинет. Тихонько уселась на корточки, судорожно вцепившись в резные балясины, и прижалась к ним лицом, пытаясь не упустить ни слова и даже, возможно, увидеть Ричарда.

— ...убедить моих стариков, что пытаться сделать из меня церковника — пустой труд. Позорное пятно временного исключения из университета показалось мне отличным способом, — весело рассказывал Ричард своим низким, слегка урчащим голосом. — Лекция как раз совпала с началом скачек. Вместо того чтобы выслушивать профессорскую нудятину, мы с однокурсниками встретились за Вустер-колледжем, наняли экипаж и покатали на ипподром!

— Вероятно, ваша выходка не осталась незамеченной, — пробормотал Джеральд с трубкой в зубах.

— Нет, — Майе послышался в голосе Ричарда виноватый оттенок, — нас вызвали к декану, мы были милостиво прощены и отделались предупреждением. Но я выступил с речью и заявил, что не вижу ничего

аморального в посещении подобных скачек в качестве зрителя. Я, разумеется, возмущался, что в университете с нами обращаются как со школьниками и запрещают ходить на бега. И приправил свою речь такими фразочками вроде «доверие рождает доверие» — эффект был блестящий!

Последовала недолгая пауза — очевидно, Джеральд Гринвуд набивал трубку. Вскоре из комнаты вылетел свежий дым, и отец откашлялся, прежде чем дать ответ.

— Университет не допускает никаких скачек на своей территории и специально назначает на эти даты важные лекции, заботясь о вашей же безопасности. Зрители таких бегов уже не раз оказывались под колесами или копытами. Буквоедство или излишняя опека здесь ни при чем.

Джеральд Гринвуд не признавал криков и нагоняев. Он был убежден: человеческий рассудок обладает тягой к здравому благоразумию. Спокойными, обстоятельными аргументами он добивался того, что человек сквозь землю был готов провалиться от стыда за свои ошибки, это Майя знала по своему опыту.

— Но, — поспешно продолжил Джеральд, опережая возражения Ричарда, — ты идешь на все, лишь бы подерживать о себе репутацию отщепенца и заводилы, где только возможно. Позволь напомнить тебе про шумные гулянки и злобные карикатуры на воспитателей и тьюторов. Вызвать другого студента на дуэль в первом же триместре — уже немалая дерзость.

Тот случай стал студенческой легендой. Ричард Бертон едва поступил в университет, когда студент-старшекурсник посмеялся над его усами — Ричард носил их по итальянской моде: с тонкими, опущенными вниз длинными концами. Он вежливо поклонился, вручил свою визитную карточку и предложил насмешнику выбрать оружие. Дуэли были официально запрещены, и старший студент не принял вызова Ричарда. Тем не менее благодаря этой истории Ричард Бертон про-

славился с самого начала, устроив шумный скандал в столь почтенном университете.

— Кто вырос на континенте, как я, понимает тонкости рыцарского поведения, с которым здесь, очевидно, не знакомы, — горячо защищался Ричард.

Но Джеральд не проявил должной заинтересованности к теме.

— А что с твоими товарищами, которые тоже ездили на скачки?

— Исключение из колледжа до конца триместра. И все, — казалось, Ричард разочарован.

— Н-да, дорогой мой, — вздохнул Джеральд и сочувственно продолжил: — По-моему, ты слишком много на себя берешь. Могу тебя понять — мой отец тоже был не в восторге, когда я не поддержал семейной традиции и не стал врачом. Но и я не сразу осознал, что, несмотря на выдающиеся успехи в латыни и греческом, мой сын проявляет куда больший интерес ко всякой живой твари, чем к древним письменам. — Майя отчетливо услышала, как отец пососал трубку. — Значит, ты покидаешь сии священные залы, впад в немилость. Прискорбно. Весьма прискорбно. У меня было не много студентов, равных тебе по интеллекту и способностям. С другой стороны, такому вольнодумцу вряд ли здесь место... И какие же у тебя планы?

— Собираюсь отправиться в какую-нибудь колонию: Южную Австралию, Квинсленд, Новый Южный Уэльс или Канаду. Мне все равно, хоть в швейцарскую гвардию Неаполя, хоть даже в Иностраннный легион — лишь бы подальше от этого холодного, промозглого островка и его узколобых обитателей! — в его словах послышалось столько гнева и отчаяния, что они глубоко отдались в душе Майи какой-то странной и незнакомой ей болью. — Но больше всего мне бы хотелось отправиться в Индию. Надеюсь, я смогу убедить отца купить мне свидетельство на звание офицера, пока не

кончилась война в горах на северо-западе Индии. Возможно, мое наилучшее применение — стрелять по афганцам за шесть пенсов в день, — с горечью проговорил Ричард. — Мне не терпится преподать им серьезный урок — хотя бы за ту кровавую январскую резню солдат и жителей гарнизона Кабул! И на войне должно быть место чести.

— Но в армии, Ричард...

— Я знаю, — резко ответил он, — но там я хотя бы смогу пустить в дело свое «вольнодумство», — последнее слово прозвучало особенно едко, с особым нажимом, словно он кого-то дразнил им. — Хотя бы смогу выучить языки! У этих наречий еще нет словарей и описанной в учебниках грамматики. Там я смогу смешаться с местными, будто я один из них, смогу узнать их нравы и обычаи. Будь я богат, я мог бы позволить себе роскошь путешествовать за свой счет, и...

— Подслушивать нехорошо, — прошипел у Майи за спиной тоненький голосок, и она обернулась. На две ступеньки выше ее стояла Ангелина в такой же белой ночной рубашке. Из-за своих блестящих светлых волос, накрученных на бесчисленные бумажные полосочки — папильотки, она походила на маленького ангела, а упрек в ее детском взгляде делал ее очень похожей на ангела карающего.

— Но там Ричард, — прошептала Майя, пытаюсь оправдаться, — я должна услышать, что он говорит! Когда я вырасту, я хочу быть такой же, как он, — такой же отважной и честной, такой же смелой, бесстрашной, находчивой, такой же...

— Так нельзя, — «благовоспитанно» возразила ей примерная Ангелина, — ты же девочка!

Почувствовав, как в ней закипает гнев, Майя вскочила на ноги. Кулаки ее сжались сами собой.

— Мы еще поглядим, можно или нельзя! — громким шепотом возмутилась она, куда громче, чем собиралась.